

Анализируя переход от старых войн, которые У. Эко называет «пра-пра-войнами» к новым войнам («нео-войнам»), автор выделяет следующие особенности изменений от одних к другим и рассматривает промежуточный вид войн, к которому он относит «холодную» войну: во-первых, «пра-пра-войны» создавали положение временной двусторонней нестабильности, затрагивавшей, как правило, двух участников конфликта, без нарушения общего равновесия на нейтральной периферии; во-вторых, «холодная война» привела к вынужденной долговременной стабильности в отношениях первых двух миров ценой многих временных нестабильностей на перифериях; периферии сотрясались множественными мелкими «пра-пра-войнами»: «Нео-война»... обещает постоянную нестабильность даже и в центрах. Центры становятся территорией ежедневного беспокойства, ареной постоянных террористических атак. Эта нестабильность будет сдерживаться перманентным кровопусканием на перифериях и большим количеством «Пра-пра-войн» [1, с.51-52].

Таким образом, 11 сентября 2001 г. символизирует утрату той стабильности, которую давала «холодная» война центрам Первого и Второго миров – капитализму и социализму. События начала 2011 года, которые произошли в государствах Северной Африки и Ближнего Востока (Тунисе, Египте и особенно в Ливии и др.) вновь поставили вопросы, которые часто возникают у людей в период социальных потрясений и перемен: о народном суверенитете; о том, имеет ли народ право на восстание или даже революцию против негодной власти, если эта власть не устраивает народ; о границах человеческой свободы; о взаимодействии государства, власти и гражданина; об ответственности верховной власти перед гражданами; о праве вмешательства других государств и международных организаций в ситуации, когда существующая власть применяет против восставших преступные меры, которые граничат с преступлениями против человечности и пр. и пр.

Эти проблемы в наше время снова находятся в центре внимания мировых СМИ. События, происходящие в Ливии, вначале вызвали недоумение и даже негодование многих СМИ по поводу невмешательства мирового сообщества и непринятия мер по пресечению преступлений лидера Ливийской Джамахирии против собственного народа. После принятия резолюции Совета Безопасности ООН по проблемам в Ливии реакция СМИ развивается почти в полном соответствии со сценарием, описанным Умберто Эко в анализируемой книге.

Список цитированных источников

1. Эко, Умберто. Полный Иназад: «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М.: Эксмо, 2007. – 584 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Степанович В.А.; Перевалова Л.В.

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Появление электронных СМИ, телевидения, затем Интернета существенно изменило понятие границы неприкосновенности частной жизни индивидуума. Вспомним ставшее классикой утверждение Дж. Ст. Милля о том, что граница моей индивидуальной свободы заканчивается там, где начинается свобода другого. Этого утверждения английского мыслителя более-менее придерживались средства массовой информации еще в недалеком прошлом. Многие идеи, касающиеся проблем индивидуальной свободы личности, а также наличия некоторых границ человеческой экзистенции, вмешательство в пределы которых недопустимо ни для государства, ни для власти, ни для так называемого «большинства», описаны в одном ещё недавно не очень дос-

тупном для многих читателей эссе «О свободе» английского мыслителя XIX века Дж. Ст. Милля, которое было написано им совместно с супругой Гарриет Тэйлор в 1839г. В начале этого эссе подчёркивается, что речь в нём будет идти не о так называемой «свободе воли», которая, по их мнению, не очень удачно противопоставляется философской категории необходимости, а о гражданской или социальной свободе. Обращение к этой сравнительно небольшой работе Дж. Ст. Милля позволяет нам сравнить мысли автора, которые касаются свободы личности, её автономии, независимости, некоторых границ суверенности по отношению к государству и власти с современным положением дел в системе «СМИ – личность». Рассуждая о проблеме взаимоотношения власти и свободы личности, Дж. Ст. Милль отмечает, что борьба свободы с властью – это одна из наиболее заметных особенностей современной истории, заключающейся в том, что большинство правителей состояли в антагонистической позиции по отношению к своему же народу. Поэтому автор эссе делает вывод о необходимости ограничить власть правительства над обществом. Заметим, что эти мысли были высказаны Дж. Ст. Миллем еще в XIX в. Мыслитель сформулировал предложение о двух возможных путях достижения свободы в обществе: во-первых, признание некоторых прав граждан, во-вторых, установление конституционных ограничений в отношении правительства [1, с.10].

Дж. Ст. Милль пишет, что власть можно доверить только тому правительству, которому народ доверяет, которое подотчётно народу и которое он, при необходимости, может сместить. Однако ограничивать свободу личности, частную жизнь этой личности может не только власть, но и общество большинства, проявляя тиранию. Как писал Дж. Ст. Милль, общество «само по себе тирания, тирания коллектива над отдельными личностями, и возможность угнетать не ограничивается действиями чиновников. Общество выводит свои законы, если они неверны или вообще касаются вещей, в которые обществу вообще нечего вмешиваться, то возникает тирания куда сильнее политических репрессий» [1, с.12].

Очень актуально звучит еще одна мысль Дж. Ст. Милля: мораль страны исходит из интересов класса, «который находится в настоящее время у власти, зато, когда прежде господствующий класс теряет свою власть, мораль общества часто преисполняется нетерпеливым отвращением к нему. Другой решающий принцип правил поведения, навязанный законом или общественным мнением, – рабское преклонение перед предполагаемым превосходом господ» [1, с.12]. Здесь же Дж. Ст. Милль подчёркивает, что цель его рефлексий о свободе в названном эссе – «заявить принцип, который должен управлять *всеми отношениями общества к личности* – независимо от того, используются ли точно установленные законы или моральное принуждение общественного мнения». При этом он заявляет, что «принцип этот прост: единственное оправдание вмешательства в свободу любого человека – самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесён другим. Собственное благо человека, физическое или моральное, не может быть поводом для вмешательства, коллективного или индивидуального» [1, с.12].

Размышляя о границах человеческой свободы и экзистенции, Дж. Ст. Милль отмечает, что «есть область человеческой экзистенции, которая касается исключительно только его, а если и задевает прочих, то лишь с их добровольного и добытого без обмана согласия» [1, с.12]. К таким областям он относит внутреннее царство сознания, свободу мыслей и чувств, абсолютную свободу мнений по всем вопросам, свободу вкусов и занятий, возможность строить жизнь в соответствии со своим характером; делать то, что нравится, лишь бы не вредить остальным [1, с.13].

В эссе «О свободе» Дж. Ст. Милля прозвучала также мысль о потенциальной агрессии большинства по отношению к меньшинству, которая актуализировалась в пе-

риод системной трансформации государств, их политических структур последних двух десятилетий. О своих правах заявляют, с одной стороны, различные сектантские, псевдорелигиозные организации, которые наносят вред психическому и соматическому здоровью людей. Например, в современной России широко распространились псевдопророки, которые обещали, ни много ни мало, воскресить жертвы терроризма в Чечне и других горячих точках этой страны и т.д. А с другой стороны, современные правящие элиты, используя подвластные молодёжные структуры и организации, ведут борьбу с движениями, которые не согласны с политикой, проводимой представителями действующей власти. Чтобы затушить возникающие в обществе противоречия, власть очень широко пользуется этой «агрессией большинства» через его формирование с помощью электронных и бумажных СМИ. На экранах ТВ, в газетах и журналах часто торжествует пошлость, культивируются низкие культурные интересы населения через засилье низкопробной масс-культуры, «попсы», культура «лёгких» денег, «культуры» так называемого «гламура» и пр. Если раньше задачей СМИ было всё же воспитание молодежи, то сейчас, пожалуй, многие из них больше направлены на её развращение. В связи с этим можно согласиться с мыслями итальянского публициста и писателя У. Эко об изменении функций СМИ по отношению к частной жизни человека и о проникновении их за пределы определённых границ, которые ранее считались неприступными для вмешательства извне как со стороны властей, так и кого бы ни было. Эти мысли, как видим, созвучны идеям Дж. Ст. Милля.

Граница в жизни каждого человека – это его естественное право. Оно гарантирует каждому человеку неприкосновенность и невмешательство в самые сокровенные стороны его экзистенции. Более того, граница присуща не только каждому человеку, но и животному. Животное (или группа животных) отводит определённую, обозначенную, например, соответствующими запахами, территорию, внутри которой они чувствуют себя уверенно и считают врагом всякого, кто нарушит их территориальную безопасность. У. Эко, продолжая рассуждение Дж. Ст. Милля о границах свободы личности, пишет: «Культурная антропология продемонстрировала, как... буферное пространство (жизненное пространство человека, в которое не может проникать иной человек – В.С.) от культуры к культуре меняется, у одних народов расстояние между собеседниками должно быть как можно меньше, и это знак доверия; а другие соблюдают дистанцию – у них в культурах чрезмерная близость говорящего воспринимается как знак агрессивности» [2, с. 149].

Следует отметить, что в теории и практике международных отношений за последние десятилетия произошли весьма значительные изменения в осмыслении роли политических границ между различными государствами. Если Юлий Цезарь, перейдя Рубикон, чётко осознавал, что тем самым он пересёк установленную границу, совершил вооружённое нападение на римскую территорию, то в современном мире политические границы часто носят условный характер. Например, такими являются сейчас границы между странами-участниками ЕС. Более того, современные информационные технологии, по существу, разрушают традиционное понимание границы для развития международного общения. Как отмечает У. Эко, «ни одно национальное образование не в состоянии запретить своим членам знать, что происходит в других странах, и скоро ни одна диктатура не сможет отгородить своих подданных от мира. С другой стороны, централизованный надзор за деятельностью граждан с некоторых пор отошёл к иным могущественным инстанциям, которые технически оснащены... и всегда умудряются знать, кому мы писали, что купили, где побывали, чем интересуемся и даже какой вид секса предпочитаем» [2, с. 151].

По мнению У. Эко, в современном обществе есть люди, которые заботятся о конфиденциальности своей приватной жизни, оберегают внешние границы своей экзи-

стенции от посторонних, внешних вмешательств. К ним относятся те, кто стремится сохранить свою коммерческую тайну, тайну переписки, тайну результатов научных исследований до их опубликования и пр. Однако парадокс и даже абсурд массового общества, которое основано на засилье прессы, телевидения, Интернета, заключается в добровольном отказе от того, что называется приватной жизнью. У. Эко отождествляет этот отказ с потерей стыда и утверждает, что это граничит с патологией, с эксгибиционизмом. Так, на страницах Интернет-изданий, журналов и газет, на экранах ТВ распространяются сплетни, домыслы, клевета. Высокооплачиваемой, хотя и опасной, стала в наше время работа так называемых «папарацци». Приватная жизнь актрис и актёров, представителей шоу-бизнеса, олигархов и их детей, плейбоев; внимание к проблемам и сплетням из их личной жизни, к очеркам нравов, так называемой светской хронике, гороскопам и пр. захватила не только «желтую прессу», но, в погоне за тиражами, за заказами на рекламу, эта практика распространилась и на в прошлом серьёзные издания, которые следуют принципу «когда сенсаций нет, их нужно выдумать». Таким образом, в современных СМИ сплетня становится материалом тотальной информации, и она не обходит теперь стороной ни правящие элиты, ни политических и религиозных деятелей и т.д.

Как ни странно, но иногда сами «герои» сплетен распускают о себе новые и новые сплетни, при этом, совершенно не стесняясь их содержания, своих сексуальных пристрастий, очередных любовниц или любовников (значительно моложе или, наоборот, значительно старше их по возрасту); информируют о покупке очередных особняков в Лондоне, на Лазурном берегу, в Калифорнии; а также о покупке дорогих яхт и т.д. Быть субъектом сплетни — это сегодня особый шик, это признак принадлежности к кругу особых личностей, это значит быть почти знаменитостью. Такие стандарты жизненного успеха сегодня внедряются и в массовое сознание людей.

У. Эко обращает внимание на тот факт, что сами бывшие жертвы сплетен со стороны других людей теперь оскверняют сами себя, демонстрируют свое «грязное бельё», намекают, а иногда и сами говорят о своей нетрадиционной сексуальной ориентации и об однополых браках: «ни о ком не перешептываются за глаза, за спиной». Далее У. Эко отмечает: «Тайны нет... Если в прошедшие времена частная жизнь была... тайной, а тайное тайных, по общему мнению, сообщалось одним лишь исповедникам, ныне «исповедниками» называют телеведущих...» [2, с. 159-160].

Следует признать, что мы почти постоянно являемся свидетелями и вынужденными слушателями телефонных разговоров на улице, в поездах, в общественном транспорте. По мобильному телефону, громко, не прикрывая его рукой, говорят о частной жизни, о самых деликатных личных делах. Заметим, что никто при этом не нарушает границы личной экзистенции говорящего преднамеренно, он сам отказывается от частной обособленности, делая частную информацию доступной окружающим. В этой связи можно согласиться с оценкой, которая дается У. Эко этим фактам и картинкам из современной жизни. Он называет их «уродствами, моральными и физическими» [2, с. 165]. Поэтому данная проблема становится не только нравственной, антропологически-культурной, но и юридической. Обществу «следует учиться вырабатывать, распространять, воспитывать у людей новое представление о сдержанности по отношению к себе и другим» [2, с. 166].

К сожалению, средства массовой информации являются ответственными и за агрессию и насилие, которые в последние годы широко распространились в обществе. Как это случилось? Рассуждая об этом явлении, главный редактор популярного и наиболее массового по тиражу в СНГ еженедельника «Аргументы и факты» Николай Зятьков в одном из последних номеров пишет: «... раньше, несмотря на небогатую и идеологически зажатую жизнь, мы как-то умудрялись привить детям уважение к стар-

шим, добросердечие, отсутствие агрессии...». В настоящее время из процесса формирования личности исключены вечно занятые родители и даже школа, которая озабочена реформами и попытками заработать деньги. А телевидение осуществляет не созидательную, а разрушительную роль в этом процессе. Автор отмечает, что в среднем за 1 час телепоказа в России приходится 4,2 сцены насилия (намеренного причинения вреда), а российский подросток до 18 лет может увидеть по телевидению 18 тыс. убийств и 200 тыс. насильственных сцен. По мнению американского военного психолога Д. Гроссмана, показ насилия по ТВ запускает у детей механизмы, с помощью которых солдаты учат убивать [3, с.4]. Автор этой статьи пишет: «...кровь льется с экрана без ограничений. Убивают, калечат, терзают, вспарывают животы и выдавливают глаза не только в новостях, сериалах или фильмах, но даже в детских мультиках». По данным европейских исследователей, до 20% реальных актов насилия спровоцировано увиденным по телевидению. А в США 61% преступников нарушают закон, копируя телегероев» [3, с.4].

Все эти и другие явления общественной жизни последних десятилетий XX века и начала XXI века – это проявление кризиса либерализма, кризиса нравственных устоев общества. Не выдержали проверки временем многие ценности, провозглашенные либерализмом, а также и его основополагающие принципы – правовое равенство граждан, равноправие профессиональных, религиозных, экономических и политических организаций; абсолютизация рыночной экономики. Требуется пересмотра и заложенное классиками либерализма критическое отношение к государству. Несостоятельным оказался принцип плюрализма. А признание морали абсолютно автономным делом гражданина, полный отказ государства от поддержания определённого уровня нравственности, защиты подлинных нравственных ценностей, а также так называемая «индивидуализация» религии (с отказом от признания любой из конфессий в качестве государственной или хотя бы традиционной) свидетельствуют о том, что современные общественные системы не способны эффективно выполнять воспитательные и социально-регулятивные функции.

Список цитированных источников

1. Милль, Дж.С. Два трактата о правлении // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–26.
2. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М.: «Эксмо», 2007. – 584 с.
3. Зятков, Николай. Ответная реакция главного редактора. Кровь – ТВ. Аргументы и факты, 2001. – № 13 (169) от 30.03. – С. 6.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Степанюк В.К.

Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, г. Гомель, Беларусь

В разные исторические эпохи в отдельных странах формировалась и утверждалась определенная система ценностей, которая в большей или меньшей степени давала представление о своеобразии общества, мировоззрении его народа, содержании и уровне развития культуры.

В процессе поэтапного развития общества система его ценностей изменялась, обновлялась, становилась разнообразней. Вместе с тем неизменно сохранялись, оставались незыблемыми, переходили из эпохи в эпоху, из поколения в поколение вечные высшие ценности человечества – гуманизм, справедливость, свобода, демократия, патриотизм. В современный период, когда обоснованно говорят о процессах, свидетельствующих о переходном состоянии, проблема ценностей практически во всех